

ЖИВАЯ СТАРИНА

1(73)2012

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуреУчредитель и инициатор возобновления издания
Государственный республиканский центр русского фольклораОснован в 1890 году
Возобновлен в 1994 году

Руководитель издательского проекта
А.С. Каргин
Главный редактор **О.В. Белова**
Редколлегия:
С.В. Алпатов
М.В. Ахметова (зам. главного редактора)
Л.Н. Виноградова
В.М. Гацак
М.А. Енговатова
С.Ю. Неклюдов
В.Я. Петрухин
И.А. Разумова
С.М. Толстая
А.В. Чернецов

Ответственный секретарь редакции
А.С. Подгаец
Научный редактор
О.В. Трефилова
Дизайн и компьютерная верстка:
И.К. Дергунова, Т.В. Бурцева
Обработка иллюстраций:
А.А. Зернов
Производство и реализация:
Э.Р. Жукова

Адрес редакции: 119034,
Москва, Кропоткинский пер., 10
Тел.: (499) 246-0233, 245-2205
Факс: (499) 246-9323
E-mail: crf@inbox.ru

(с указанием: для «Живой старины»)

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство № 01827 от 30 ноября 1992 г.

Подписано в печать 22.02.2012. Формат 60×90 1/8. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 23. Цена договорная

Отпечатано в типографии
ОНО «Типография Россельхозакадемии»
115598, Москва, ул. Ягодная, д. 12

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© «Живая старина», 2012

На 1-й стр. обложки: Анастасия Яковлевна Башкирова и Нина Ивановна Немцева поют религиозные стихи по тетради. С. Шандро-во (Лукояновский р-н Нижегородской обл.). 2006 г. Фото Н.Б. Храмовой. На 4-й стр. обложки: Недавно найденный камень возле с. Фаличи (Стародорожский р-н Минской обл. Белоруссии), ставший культовым. На камне надпись краской: «Камень, исполняющий желания. Подойди, перекрестись, загадай и поклонись». 2010 г. Фото М.А. Андриониной

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТ УСТНЫЙ — ТЕКСТ КНИЖНЫЙ

- С.В. Алпатов.* «Иерусалимская история» — духовный стих-былина XVIII века 2
И.А. Бессонов. Образ чудовищных птиц в эсхатологических рассказах 4
Н.Б. Храмова. Религиозная поэзия в народных рукописных сборниках
конца XX — начала XXI в.: книжные истоки 8
Ю.М. Шеваренкова. Новомученица Дунюшка Суворовская: житие устное и книжное . . . 11
К.В. Бабковская. Петр Акулов — сказочник из Тверской губернии.
На грани фольклора и литературы 15

ЛЕТУЧИЙ ЗМЕЙ В СЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

- Т.В. Махрачёва.* Народные представления об огненном змее в Тамбовской области 19
А.А. Скулачёв. Былички о летучем змее из Вельского района Архангельской области 21
«Вогленный» в фольклоре Кировской области. Предисловие, публикация
и примечания *Н.С. Петровой* 23
О.В. Белова. «Литаить змей к людям...» 24
Е.М. Боганева. «Гаручы зьмей — так ён зваўся» 27
М.М. Валенцова. Словацкие поверья о шарканах — крылатых змеях 32

ВИДЕНИЯ И СНЫ В ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

- Е.В. Сафронов.* Типы визионеров 33
М.А. Андриониной. Визионерский опыт в отношениях между живыми и умершими 36
А.В. Пигин. Слепые птицы, каменная туча и беспокойная совесть 40
А.Б. Ипполитова. Рассказы о сновидениях в Пудожском и Вытегорском районах 42
С.Н. Амосова, М.М. Каспина. Рассказы о снах в современной еврейской традиции 45
В.Е. Добровольская. Запреты и предписания, связанные со сном 48

ЭКСПЕДИЦИИ

- Сказки из репертуара Аполлинарии Михайловны Соловьевой.
Публикация *Т.Н. Бунчук, Е.А. Шевченко* 51

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- М.А. Мухина.* О ведьмах, колдунах, волколаках и «знающих» Полесья 55
О.В. Белова. Первый выпуск серии «Фольклор Кубани» 56
А.Б. Мороз. Белорусская «народная Библия» 58
Ю.В. Линник. Размышляя о былинном стихе 59
А.В. Панюков. Новый сборник коми и ненецкого фольклора 62
О.В. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике 63
И.Е. Посоха. Новые издания ГРЦРФ 64

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова.* Конференция «Славянская традиционная
культура и современный мир» 64
О.Б. Христофорова. Конференция «Демонология как семиотическая система» 66
С.А. Сиднева. XI Балканские чтения 69
А.А. Скулачёв. Конференция «Языки традиционной культуры» 72

поверья о воздушной битве погодных демонов, участниками которой становились змей-защитник и вредоносный дракон (или два змея или два человека-змея) [3. С. 265].

В словацких представлениях и рассказах о летающем змее можно найти параллели южнославянским поверьям о воздушных демонах, среди которых выделяются: 1. Змееподобный демон непогоды, дракон, приносящий град, тучи, уничтожающий посевы, урожай (серб. *ала*, вост.-серб. *аждаја*, южно-серб. *ламња*, зап.-болг. *хала*); 2. Змееподобный демон, дракон, защищающий село (поля) от непогоды (серб. *змај*, *змеј*; вост.-серб., зап.-болг. *смок*, *смук*); 3. Обладающий сверхъестественными способностями человек, дух которого во время сна защищает село и урожай от непогоды (центр.-серб. *змај*, зап.-серб. *здухач*, *вјетровњак* и др.) [4. С. 53]. Схождения наводят на мысль, что летающий на змее чародей — явление более позднее и «рационализированное» по сравнению со способностью человека превращаться в дракона.

Определенный параллелизм наблюдается и на уровне лексики, например: зап.-болг. *смок* 'змей', букв. 'уж' и словац. *смок* 'дракон'; зап.-серб. *вјетровњак* 'человек, управляющий тучами' и словац. *veterník* 'чернокнижник'. Само же имя летающего змея в словацкой традиции (*šarkan*) имеет соответствие в венгерской (*sárkány*, и в форме *sárkánykigyó* 'крылатый змей'), западноукраинской (*шаркань*), хорватской (славонской — *šarkanj*) традициях. Кроме того, в венгерском селе на юге Словакии записано интересное поверье о шаркане, который «появляется летом, в середине — конце июля, в том числе когда гремит гром и сверкают молнии; у него одна голова и три хвоста, этими хвостами он бьет по земле и уничтожает посевы» [1], что также соответствует сербско-болгарскому мотиву «пожирания» урожая змеем, приносящим в село градоносные тучи и непогоду (серб., болг. *ала*, макед. *ламја*)» [4. С. 225—231; 3].

Примечания

¹ Вила — женский мифологический персонаж наподобие русалки.

² Двоедушники — «в [западно]украинской и пол[ьской] традиции люди, рожденные с двумя душами (человеческой и демонической) или двумя сердцами и поэтому обладающие демоническими свойствами» [2].

Литература

1. Анисимова Д.Д. Этнолингвистические материалы из венгерской деревни Ипойфедемеш, Словакия // Карпато-балканский диалектный ландшафт (в печати).
2. Левкиевская Е.Е., Плотникова А.А. Двоедушники // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 29
3. Плотникова А.А. Карпатские традиции в балканской перспективе: Этнолингвистический аспект // Карпато-балканский диалектный ландшафт...
4. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
5. Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Bratislava, 1995. Т. 1.
6. *Nabovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin, 2006.
7. Norehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1969.
8. *Kovač M.* Ostrá hora plná mora a iné príbehy ľudovej viery a mágie zo severu Bielych Karpát // Hieron. Riligionistická ročenka III./1998. S. 144—182.
9. Slovensko / P. Plesník a kol. Bratislava, 1974—1975. D. 3. Č. 1—2: ľud.

Работа выполнена в рамках исследований по программе ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе»

Е.В. САФРОНОВ

ТИПЫ ВИЗИОНЕРОВ

Шестилетний опыт полевой работы, специально направленной на запись рассказов о снах, обмираниях и видениях, показал, что всех информантов по отношению к названным текстам возможно — с большой долей условности — разделить на следующие группы: 1) рассказчики, для которых тема сновидений неактуальна: информанты не могут вспомнить ни одного сна или видения; это может быть обусловлено различными причинами; такие рассказчики встречаются относительно редко; 2) информанты, для которых указанная тема малоактуальна: они могут вспомнить одно-два сновидения — из-за яркого или необычного содержания (например, соотносящегося с темой иного мира) либо по причине того, что сон «сбылся»; таких информантов — большинство; 3) рассказчики, для которых тема сновидений важна и актуальна: в беседе они часто обращаются к снам (приснившимся им самим или их окружению), охотно воспроизводят различные типы названных текстов, знают наиболее распространенные мотивы; поворотные моменты своей судьбы связывают со сновидениями. Эти информанты встречаются также нечасто.

Рассказчиков третьего типа мы предлагаем называть визионерами, а генерируемые ими тексты — «визионерскими». Основные особенности организации беседы между собирателем и такими информантами являются предметом настоящей работы.

Следует отметить, что визионеры нередко осознают себя как обладателей необычных, сверхъестественных способностей (ясновидения, дара исцеления и др.). Иными словами, внимательное, серьезное отношение визионеров к сновидениям и видениям часто находится в русле общего отношения рассказчика к своим способностям (значимой самооценке, влияющей на самоопределение в рамках беседы со слушателем-собирателем). Наличие или отсутствие указанной самооценки позволяет условно разделять визионеров на тех, кто репрезентирует себя — по крайней мере в рамках беседы — в качестве обладателя сверхъестественных способностей (это собственно визионеры, «экстра-сенсы»), и тех, кто таковым себя не считает (это знатоки визионерских текстов, далеко не всегда приснившихся или привидевшихся им самим).

Данное разграничение важно потому, что выбранный информантом тип самоопределения часто коррелирует со способом организации конкретной беседы: среди «экстра-сенсов» доминирует самопрезентация, среди «неэкстра-сенсов» — презентация «знаний о...» (например, о сбывшихся сновидениях).

Самопрезентация — такой способ организации беседы, при котором а) рассказчик берет на себя ведущую роль — доминирует монолог, изредка прерываемый вопросами и ответными репликами слушателя-собирателя; б) беседа организуется на основе единой макротемы, условно формулируемой в виде следующего вопроса: «Какие события в моей жизни служат свидетельством того, что я — человек с необычными способностями?» (или, пользуясь терминологией некоторых информантов, «Как я пришла к Богу?»), иными словами, центром большинства таких рассказов является своего рода «я»-сюжет; в) в силу того что воспроизведенные рассказы в основном

относятся к «личной истории» рассказчика, их сложно рассматривать отдельно друг от друга.

Если воспользоваться аналогией, то рассказы, входящие в беседу-самопрезентацию, можно сравнить с объединением относительно самостоятельных текстов (новелл, повестей и т.п.) в одно целостное произведение благодаря общему центральному герою (например, авторскому «я»), общему настроению, темам и т.д., — ср. «Темные аллеи» Бунина или «Записки охотника» Тургенева.

Беседа-презентация «знаний о...» организована иначе. подача и тематика воспроизводимых рассказов при данном способе организации беседы в большей степени зависят от динамического взаимодействия интересов информанта и вопросов собирателя, нежели чем это наблюдается в самопрезентации (монолог рассказчика не доминирует столь явно). Соответственно, беседа организуется на основе целого ряда макротем, жестко не связанных с личной историей рассказчика. Память информантов этого типа организована как «устройство» по запоминанию-воспроизведению историй на заданную тему — подобно тому, как организована (сознательно или из-за «природной склонности», сложившихся обстоятельств) память людей, способных выдать анекдот к случаю.

Рассказы в рамках беседы второго типа более самостоятельны: при их цитировании обычно не приходится прибегать к обширным поясняющим комментариям, как это нередко происходит при рассмотрении текстов, относящихся к беседе-самопрезентации. Если продолжить приводить аналогии, то способ организации беседы с информантами-«неэкстрасенсами» сопоставим с принципом издания избранных сочинений одного автора, объединенных скорее составителем или редактором (resp. собирателем), нежели самим писателем.

Конкретизируем и уточним приведенные наблюдения на примерах бесед с несколькими визионерами.

В 2007 г. мы встретились с Татьяной Ивановной Кияшовой¹. Беседа длилась более двух часов. За это время она пересказала 31 сюжет (точнее, вероятно, будет говорить о *тематических блоках*, скрепленных единой макротемой, которая может быть сформулирована как ряд вопросов: «Как я стала ясновидящей?», «Почему я ясновидящая?» и т.п.). Самой информанткой различные проявления сверхъестественных способнос-

тей осознаются как подтверждение присутствия воли Божьей во всех значимых жизненных ситуациях. Судьбоносные события расцениваются как неслучайные, связанные с особой миссией рассказчицы, ее «призванностью»: «Я считаю, что я здесь не случайно. Вот то, что я здесь нахожусь, и всё, что делаю, вижу, слышу в этой области, да, — в части духовного. Вот я считаю, что я уже в какой-то упряжке, что я какую-то несую свою миссию, вот что я уже... что у меня уже нет дороги назад...»

Более 60% беседы с Т.И. Кияшовой (21 тематический блок) прямо или косвенно связаны с визионерскими рассказами. Сообщения о сновидениях и видениях почти всегда находятся в центре рассказов о некоем чуде: чудесных спасениях от смерти и болезни; предсказанных благодаря вещим снам несчастиях; раскрытых через сновидения тайнах и т.п. Почти каждое из этих событий расценивается как своего рода ступень к Богу, очередной этап осознания своей неординарности, призванности. При этом в данной беседе наблюдается определенная логика подачи отдельных рассказов, организующая беседу в целом: так, самопрезентация предваряется характерной фразой, служащей маркером начала развертывания «я»-сюжета: «Ну и вот, если так по порядку начать...» (ср. в рассказе, приведенном ниже, неслучайное слово «во-первых», которое выполняет эту же функцию). Далее Т.И. Кияшова описывает две ситуации из собственного детства, в которых она чудом спаслась от неминуемой гибели. Кульминацией сюжета в обоих рассказах служит видение теплого света, после чего следует возвращение к жизни.

Во-первых, родилась [я] очень большая, очень такая недоношенная и всякое прочее. Врачи постоянно маме всю жизнь пророчили: дай Бог ещё год проживёт. Потом в четвёртом классе поставили диагноз, значит, рак легких... [Врачи ставят безнадежный диагноз; девочку увозят умирать домой.] Ну, вот только благодаря бабушке, которая, конечно, очень много молилась, очень много плакала, очень много сидела со мной все эти дни. И буквально однажды в таком состоянии я уже уснула или не уснула, я там не знаю. И вдруг я вот просыпаюсь, я только понимала, что я всё время лежу в этой постели, как бы вот вросла в эту постель. И только помню, что вдруг я бегу по какой-то тропе, зелёная трава вот такая вот, я не знаю, какая-то неземная, и вся эта трава покрыта водич-

кой такой, чистой-чистой водичкой. И как бы вот откуда вот льётся луч такой света и как бы вот тёплую такую тропу создаёт. Я бегу-бегу-бегу, руки протягиваю, значит, и вдруг — обрыв и слышу только голос: «Назад!» И всё, я очнулась, и бабушка, значит, всё... и вокруг меня очень много народу, сидят уже, всё это... тети мои все. Ничё не пойму, я грю: «А у нас чё сегодня, день рождения у кого-то?» Бабушка, значит, сразу начала плакать и молиться: слава Богу — тут и иконы, и всё, — и что «ты очнулась»... [После этого рассказчица выздоравливает; врачи не могут поверить в исцеление; у информантки сохранилась история болезни, подтверждающая произошедшее чудо].

Далее рассказывается другой случай чудесного спасения. Информантка в сильный мороз падает в незамерзающую быстротекущую реку, при этом в момент спасения рассказчица видит следующее:

И вдруг вот перед глазами (только вот так всё крутит в воронке в этой), и перед глазами на берегу там я вижу свет, вот такой свет, словно огненный ша... ну, такой вот тёплый, неяркий, неброский свет. И думаю: «Мне бы вот туда бы попасть!» — и меня вот несёт-несёт-несёт-несёт, и в этом месте, значит, дерево упало, и оно, значит, туда на воду упало, и меня об это дерево прибило, я, значит, из последних сил заледеневшими руками вцепилась.

Следует отметить, что информантка очень часто переходит от одного рассказа к другому самостоятельно, без дополнительных вопросов со стороны собирателя. Достаточно сказать, что на протяжении всей беседы переходы от сюжета к сюжету, обусловленные вопросами исследователя, наблюдались не более двух-трех раз (все остальные реплики собирателя носили комментирующий или уточняющий характер).

Эта, а также другие названные особенности подтверждают, что данная беседа организована как самопрезентация, основанная на развертывании единой макротемы. Транслятором такой самопрезентации может быть либо человек необычной судьбы, насыщенной неординарными событиями (например, участие в войне²), либо человек с необычными способностями (например, экстрасенс). Чаще всего сверхъестественные способности предполагают неординарную судьбу.

Еще одним примером самопрезентации может служить беседа с Вален-

тиной Николаевной Высоцкой³, по многим особенностям сходная с уже рассмотренной.

Основной вопрос, на который отвечает Валентина Николаевна в процессе этой беседы, можно сформулировать так: «Как и почему я стала целителем?» Характерна фраза, сопровождающая развитие «я»-сюжета, близкая к своему аналогу из первой беседы (с Т.И. Киляшовой): «Я вам рассказываю, с чего началось...» (имеется в виду — начался «путь к Богу»).

Как и предыдущая информантка, В.Н. Высоцкая описывает ряд значимых событий, произошедших с ней и ее близкими, которые так или иначе связаны с визионерскими рассказами.

У рассказчицы друг за другом умирают двое сыновей. В описания этих очень важных и трагических ситуаций включены сообщения о целом ряде вещих снов, видений умерших наяву, различных предчувствий, обращений за помощью к «знающим» людям и т.д., например:

И вдруг за несколько дней до смерти сына я опять вижу: я лежу, и вдруг с угла, вот буквально с этого угла [показывает рукой] спускается летящий объект такой: вся воздушная, вот эта книга, эта книга — я вижу вот корку её, вот эту сторону я вижу. И вся вот лучами, вот лучи прям вот сияют. Вот. А я лежу и думаю: «Ха [с придыханием!] Такая я грешница...» <...> И я сама себе: «Такая я грешница, и я вижу Бога!»

Блок рассказов, связанных с упомянутым несчастьем, завершается следующим комментарием:

Вот, значит, Бог, я считаю сейчас, что так расположил... чтоб я всё-таки повернулась к Богу. Но меня никак нельзя было повернуть: я была красивая, деловая вся такая, я ничего не признавала. Но вот Бог, наверно, так решил, что нужно что-нибудь сделать такое, чтоб я повернулась к нему. Только через детей я стала ходить в церковь, только через детей. Я стала ходить в церковь, я приобрела молитвы. Я стала искать, что же такое на свете есть. <...> И я стала каких-то бабок находить, то есть почему-то у нас есть, — спросить: непонятно, [кто] такие черти, что такое вообще домовые, дворовые и вообще, — всё это есть.

Как и в предыдущей беседе, в большинстве случаев переходы от сюжета к сюжету информантка совершает самостоятельно: собиратель либо

изредка комментирует рассказанное, либо уточняет детали.

Из более 60 тематических блоков, которые можно выделить в беседе с В.Н. Высоцкой, около 20 так или иначе связаны с визионерскими рассказами. Меньший процент (по сравнению с предыдущей беседой) описаний снов и видений обусловлен акцентом на практике целителя, сделанным участниками беседы сознательно.

Практически все сюжеты непосредственно соприкасаются с личной историей информантки; рассказы на аналогичные темы, услышанные от других, привлекаются очень редко. Например, пересказана только одна быличка о преследующем живых покойнике, которая услышана от других, — на фоне частых сообщений о явлении умерших наяву и во сне лично рассказчице. Такое же количественное соотношение у рассказов, связанных со знахарской практикой.

Примером беседы, организованной иначе, может служить запись встречи с Екатериной Петровной Афанасьевой⁴.

Е.П. Афанасьева — великолепная рассказчица и знаток большого количества традиционных текстов, относящихся к несказочной прозе. Из более 90 тематических блоков нашей двухчасовой беседы с ней, 32 возможно отнести к визионерским рассказам (остальные — это в основном мемораты, былички, легенды и паремийные жанры). Из 32 визионерских текстов только 14 так или иначе связаны с личной историей рассказчицы, остальные 17 — это описания снов и видений, услышанных от ближайшего окружения и представляющих собой скорее интересные рассказы на заданную тему, нежели сообщения о биографически значимых событиях. Для сравнения: в беседах-самопрезентациях, которые были рассмотрены выше, о визионерских текстах, не принадлежащих рассказчице (не соотносящихся с его личной историей), либо вообще не упоминалось (запись В.Н. Высоцкой), либо информантка указывала на это косвенно в связи с собственными сновидениями (два случая в беседе с Т.И. Киляшовой).

В отличие от самопрезентаций, беседа с Е.П. Афанасьевой — это динамичный обмен репликами-текстами, в котором собиратель выполняет роль координатора тем. В соответствии с предложенными собирателем вопросами (например: «Говорят, что покойники могут просить что-то в сновидениях...»; «Вот мне рассказывали, что покойников можно спрашивать

во сне: "Как ты там, на том свете?"; а он отвечает...»; «Вот еще святые могут сниться...» и др.) информантка воспроизводит ряд рассказов, одновременно соответствующих ее интересам (знаниям) и установленным собеседником макротемам.

Информантка не думает о себе как об обладателе необычных способностей: рассказанные ею сны и видения (как ее собственные, так и ее окружения) воспроизводятся так же, как и другие «истории на тему». Биографические сведения сообщаются в процессе беседы достаточно хаотически: например, о том, что Е.П. Афанасьева в 1940-е гг. некоторое время жила в Чебоксарах, упоминается вскользь — в связи с рассказом о пережитом ее знакомой летаргическом сне; о том, что в 1934 г. семья рассказчицы строила новую избу в другом конце села, упоминается в связи с видением умершего дяди и т.д.

Стремление специально организовать личную историю таким образом, чтобы она расценивалась слушателем в качестве развертывающегося «я»-сюжета, в данной беседе отсутствует.

Вряд ли ошибочным является предположение о том, что рассказы, входящие в рассмотренные нами беседы (как самопрезентации, так и презентации «знаний о...»), воспроизводятся информантами далеко не в первый раз — для разной аудитории. В отношении бесед с Т.И. Киляшовой и Е.П. Афанасьевой об этом можно говорить достаточно уверенно, поскольку мы располагаем записями других собирателей от данных информантов, в которых — естественно, с различного рода вариациями — частично воспроизведены те же сюжеты. Наличие этих записей позволяет констатировать следующее: самопрезентация при повторных записях оформляется в виде целостного рассказа, скрепленного общим «я»-сюжетом; презентация «знаний о...» при повторных встречах подтверждает свой мозаичный характер — информантка относительно свободно перемещает текстовые блоки в различные места беседы, редуцирует или добавляет новые рассказы в зависимости от вопросов собеседников, коммуникативно-событийного контекста и других контекстуально значимых факторов⁵.

Это не означает, что композиция и текстовое наполнение беседы-самопрезентации подвержены меньшему варьированию, чем в разговоре с «неэкстрасенсами». Однако

единство макротемы, свойственное беседам первого типа, заставляет информанта при повторных записях организовывать свой рассказ на основе определенной логики «я»-сюжета, что снижает общую «мозаичность» беседы.

Как показывает наш полевой опыт, неоднократное воспроизведение «я»-сюжета нередко используется людьми, которые считают себя обладающими необычными способностями, для создания своего рода личного мифа целителя (ясновидящего и т.п.), благодаря чему общение с потенциальными клиентами становится более результативным. Впрочем, последнее положение применимо далеко не ко всем визионерам и зависит от личности самого рассказчика, наличия или отсутствия у него определенной практики использования своих способностей (например, практики целителя), уровня контакта, сложившегося между собеседниками, и других факторов, влияющих на конкретную беседу.

Примечания

¹ Татьяна Ивановна Кияшова, 1960 г.р., высш. образование, род. в Марийской АССР, с начала 1980-х гг. живет в с. Иваново-Ленино Алатырского р-на Чувашской Республики; зап. в 2007 г. Е.В. Сафронов и А.П. Липатова.

² В этом отношении не случайно следующее замечание: в меморатах о войне «осмысление действительности (...) идет путем извлечения из общего потока жизненных явлений чего-то необычайного, яркого, выходящего за рамки обыденности» [1. С. 131].

³ Валентина Николаевна Высоцкая, 1949 г.р., среднее техническое образование, род. в г. Бугульма, живет в с. Барышская Слобода Сурского р-на Ульяновской обл.; зап. в 2000 г. Е.В. Сафронов.

⁴ Екатерина Петровна Афанасьева, 1925 г.р., образование 5 кл., род. и живет в с. Княжуха Сурского р-на Ульяновской обл.; зап. в 2007 г. Е.В. Сафронов и А.П. Липатова.

⁵ Подробнее об этом см. [2].

Литература

1. Гончарова А.В. Жанровые особенности устных мемуарных рассказов о Великой Отечественной войне // Русская литература. 1986. № 1. С. 124—137.

2. Сафронов Е.В. К вопросу об индивидуальной вариативности фольклорного прозаического текста // От конгресса к конгрессу: Материалы Второго всерос. конгресса фольклористов: Сб. докл. М., 2011. С. 29—42.

М.А. АНДРЮНИНА

ВИЗИОНЕРСКИЙ ОПЫТ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЖИВЫМИ И УМЕРШИМИ

(по материалам экспедиции в Слуцкий
и Стародорожский р-ны Минской обл.)

Представленный в статье материал был собран в ходе экспедиции, состоявшейся в июне 2010 г.¹

Идею непрерывности отношений между умершими предками и их живыми потомками, их взаимного влияния можно считать одним из главных мифологических представлений, характерных для традиционной культуры. Информанты в большинстве случаев охотно рассказывают о своем опыте общения с умершими близкими, выражая надежду на будущую встречу с ними, а также на их продолжающееся присутствие в жизни живых. В описаниях своего визионерского опыта в обследованной местности информанты чаще всего используют два термина: *ходит* и *здаёцца*. Первый термин чаще всего относится к рассказам о видении умерших во сне, а второй характеризует ситуацию встречи живого с умершим наяву.

Самыми распространенными сюжетами являются сообщения о *встрече* с умершим и о разнообразной *помощи* (I), оказанной ими своим живым потомкам. Знаковым считается поведение умершего во сне: получать, принимать что-либо от предка повсеместно считается добрым предзнаменованием. Чтобы увидеть во сне умершего, следовало проспать первую после похорон ночь на том месте, где лежал покойник («На йетом диване [где покойник лежал] я должна проспать ночь, и он буде сниться. Мой тато помьёр, и я лягла, ето, лягла. И он по сегодняшний день, когда мне соснится, очень мне хорошо прыает. [Что это значит?] Есьли уж у тебе какая-нибудь бяда ти что-нибудь, он тебе соснится и тебе скажет, рассказывает, общшчает, с того свету общшчает. Сообщает, что вот гляди, пилнуйса [остерегайся], что вот тоби будет, может, плохо» [1; 2]).

В обязанности живых входит обеспечение умершего всеми необходимыми ему на том свете предметами, обрядовой пищей; справление индивидуальных и календарных поминок. Часто рассказывают сны о том, что по-

койные просят (II) передать им некую вещь или накормить их. Не менее распространены рассказы о последствиях различных нарушений поминальной обрядности: покойный остается голодным, его отгоняют от стола во время общих трапез умерших на том свете и пр. За неисполнение обрядов мертвые *наказывают* живых (III), об этом повествует большое число быличек. В подобных рассказах заметна тенденция перехода от представлений о благих предках, *прияющих*, помогающих своим живым потомкам, к вере в *демоническую*, страшную силу умерших (IV). Мертвые предки во сне могут «забрать» к себе живого; «заложный» покойник пугает и насылает болезнь. Чтобы избавиться от посещений покойника, использовался ряд магических приемов и апомропеев.

В ряде рассказов о встречах мертвых с живыми возникает и получает развитие тема *того света* (V), его топографии и организации. Согласно мифологическим представлениям, разные группы покойников (взрослые и некрещеные младенцы и пр.) занимают там различные места, умершие маленькие дети могут достигать зрелости и праздновать свадьбу.

I. Мертвые посещают живых

Я ў Минску была. Мой мужик помьёр уже двадцать один год. У Минску была. И там сниться. [Во сне приходил?] Во сне, да. Это только во сне, так нет. У нас одна Хомячиха ходила. Им здаваласа. Прыходит, скаже, посуду мые, браскае, здаваласа мо... У нас в селе. Она к дзецям ходила. Доўго, мо месяц.

Мой же человек ходзиў, ходзиў, во сне, всё приде, руки холодные ў яго. Всё мяне каже: «Я за тым хожу, что я не дома помьёр, ў больнице». А он хотел дома. А мои диўки: «Мамо, ну шо ты, ну хай хodziць бацько». А ён ходзиць, прыде ноччу, холодными руками цап. Мацае, мацае, всё обнимае, шкодуе. Кажу: «Доколи будеш ходзиць уже, ты мне надоел». А он: «Ходзил и ходзиць буду». Я гэтые слова не забуду. Приде прбсьить что-нибудь. То «дай мне сто грамм», а тады каже. А я кажу: «А ты ж помьёр, а як же ты вышеў, кудой ты?» — «А там дирочка [на могиле] была, я вылез и прышоў. <...> Там дирочка, там

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА АНДРЮНИНА; Ин-т славяноведения РАН (Москва)